DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.079-089
УДК 903.6

Ю.Н. Есин¹, Ж. Магай², Ч. Еруул-Эрдэнэ³, Ж. Гантулга³

¹Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия
E-mail: esin2006@yandex.ru

²Музей доисторической антропологии Монако
Musée d'Anthropologie Préhistorique de Monaco
56 bis Boulevard du Jardin Exotique, 98000 Monaco
E-mail: jerome.magail@archeo-steppe.com

³Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Монгол улсын шинжлэх ухааны академи Түүх, археологийн хурээлэн
Жуковын гудамж-77, Улаанбаатар-13343, Монгол Улс
E-mail: cheruulerd@yahoo.com; ganuudg@gmail.com

О краске на оленних камнях Монголии

Статья посвящена использованию краски на каменных стелах (оленных камнях) Монголии в конце II – середине I тыс. до н.э. Описываются и анализируются выявленные росписи различных оттенков красного цвета. Во всех случаях остатки краски обнаружены на тех гранях стел, которые в результате падения или последующего вторичного использования камня оказались защищены от неблагоприятных воздействий окружающей среды. Иногда консервации краски дополнительно способствует корочка кальцитовых отложений, образовавшаяся в месте соприкосновения поверхности стелы с землей. Исходя из роли в создании визуальных образов, предложено выделять две группы росписей: несамостоятельные (заполняют силуэты выбитых рисунков) и самостоятельные (создают отдельные элементы композиции стелы). Первые наиболее распространенные. По композиции изученные стелы разделены на два типа: 1) с лицевой стороной на узкой вертикальной грани и изображением оленей в монголо-забайкальском стиле; 2) с лицевой стороной на широкой грани, выделением верхнего яруса, но без изображений оленей и пояса с оружием. Их относительная хронология документируется случаями использования стел первого типа для нанесения композиций второго типа. Первый тип стел связан с погребально-поминальными памятниками культуры херексуров и оленних камней Центральной Монголии, а второй – с захоронениями культуры плиточных могил. Традиция раскрашивать выбитые фигуры красной минеральной краской как типичный прием оформления каменных стел появилась у скотоводов восточной части Евразийского степного пояса еще в эпоху ранней бронзы.

Ключевые слова: Монголия, эпоха поздней бронзы, эпоха раннего железа, оленний камень, стела, краска.

Y.N. Esin¹, J. Magail², C. Yeruul-Erdene³, and J. Gantulga³

¹Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Shchetinkina 23, Abakan, 655017, Russia
E-mail: esin2006@yandex.ru

²Museum of Prehistoric Anthropology of Monaco,
56 bis Boulevard du Jardin Exotique, 98000 Monaco
E-mail: jerome.magail@archeo-steppe.com

³Institute of History and Archaeology, Mongolian Academy of Sciences,
Zhukovyn 77, Ulaanbaatar, 13343, Mongolia
E-mail: cheruulerd@yahoo.com; ganuudg@gmail.com

Paint on Deer Stones of Mongolia

This study focuses on traces of paint on stone stelae ("deer stones") of Mongolia, dating to late second to mid-first millennia BC. Painting was made in various shades of red. In all cases, remains of paint were found on facets which had been protected from weathering because the stelae had collapsed or been reused. An additional protection might have been provided by a calcite crust formed where the stelae contacted the ground. Based on the role of painting in visual imagery, two groups of paintings are described:

supportive (filling in the engraved figures) and independent. The first group is the largest. In terms of composition, stelae fall into two types: those whose front is on the narrow vertical facet, carrying images of deer in a Mongolian-Transbaikalian style, and those whose front is on the wide vertical facet, where the upper tier is separated, and neither deer nor belts with weapons are represented. The relative chronology of the two types is established by the fact that in certain instances, stelae of the first type were reshaped into those of the second type. The first type is related to funerary and memorial sites of the Kherekurs and Deer Stone culture of Central Mongolia; the second, to burials of the Slab Grave culture. The tradition of decorating engraved figures with red mineral paint had originated among eastern Eurasian steppe pastoralists in the Early Bronze Age.

Keywords: Mongolia, Trans-Baikal, Bronze Age, Early Iron Age, kherekurs, Slab Grave culture, deer stones, stelae.

Введение

Одним из важных элементов культуры скотоводов восточной части Евразийского степного пояса в конце II – середине I тыс. до н.э. являлась традиция создания каменных стел. К настоящему времени в литературе широкое распространение получило их народное название «оленные камни» (от монг. *буган хөшөө*—«олень-стела» или *буган чулуу*—«олень-камень»), т.к. на многих изображены олени. По наличию или отсутствию этих изображений и их стилю принято выделять три типа стел, названные по основному ареалу: монголо-забайкальский, саяно-алтайский и общеевразийский [Волков, 2002, с. 19]. Археологический контекст указывает на использование данных каменных монументов в обрядах погребально-поминального характера. Воспроизведенные на камне пояс, ожерелье, оружие, серьги и их расположение свидетельствуют о том, что стелы являются условным изображением человеческой фигуры. В то же время возможно отождествление отдельных частей камня и изображений на нем с частями и объектами пространства. Феномену этих каменных монументов посвящено значительное количество публикаций, однако некоторые основополагающие технологические аспекты все еще остаются неизученными. Один из них связан с использованием краски для оформления стел и реконструкцией их первоначального облика. Показательно, что ни в одной крупной работе по оленным камням упоминаний о применении краски и специального анализа этой проблемы нет. Хотя возможность использования росписи порой допускалась. Например, предполагалось, что тщательно заполированные участки камня в верхнем ярусе лицевой стороны некоторых стел могли предназначаться для изображения человеческого лица при помощи краски, а не выбивки [Fitzhugh, 2009, p. 3]. Также допускалось использование краски для создания на камне эскиза, по которому затем производилась выбивка [Грязнов, 1984, с. 78].

Только недавно в результате исследований в Центральной [Гантулга и др., 2013] и Западной [Тишкин, 2013а, с. 81, 88] Монголии появились сведения о наличии красного пигмента на некоторых оленных камнях. Заслуживает внимания также информация о следах такой краски на отдельных стелах общеевразийского типа с западной окраины Евразийского степного по-

яса [Ольховский, 2005, с. 53]. Задачи данной статьи – введение в научный оборот новых выявленных фактов наличия краски, классификация и сравнительно-исторический анализ этих росписей.

Обзор изученных материалов

Данная статья базируется в основном на материалах Центральной Монголии, где на протяжении ряда лет проводит исследования совместная археологическая экспедиция Музея доисторической антропологии Монако и Института истории и археологии Монгольской академии наук. В настоящее время в районе работ на р. Хойд-Тамир учтено более 100 оленных камней. Следы краски выявлены на пяти из них. Помимо этого, в ходе ознакомительных поездок на памятники соседних районов краска обнаружена на оленных камнях в долинах рек Хунуй и Хануй, вблизи оз. Хубсугул (Ховсгол) и др. (рис. 1). Во всех случаях она выявлена визуально, исследования естественно-научными методами пока не проводились. Тем не менее предыдущий опыт изучения росписей на стелах эпохи ранней бронзы Южной Сибири, в т.ч. опирающийся на лабораторные анализы [Essin et al., 2014], не оставляет сомнений в наличии остатков росписей и на оленных камнях.

Приведем краткие сведения о некоторых памятниках.

1. Стела № 11 в местности Цацын-эрэг, долина р. Хойд-Тамир, розоватый гранит, 201 × 41 × 60 см. Была использована в качестве стенки плиточной могилы, раскопанной В.В. Волковым [2002, с. 36, табл. 8, 2]. Вертикально установлена в 2007 г. Документирование проведено в 2013 г. (рис. 2)*. Лицевая грань стелы выше, чем задняя. Изображения выполнены выбивкой с последующей шлифовкой. Внутри контуров изображений оленей, серьги и кинжала на правой широкой грани обнаружены следы красной краски, частично перекрытые тонким слоем кальцитовых отложений. Видимо, эта грань была

*Все фотографии и прорисовки оленных камней сделаны Ю.Н. Есиным. Чтобы сделать краску более заметной, на публикуемых здесь фотографиях с помощью программы Adobe Photoshop немного увеличена насыщенность красного цвета.

Рис. 1. Расположение изученных памятников с росписями.

a – археологические памятники со стелами эпохи поздней бронзы – раннего железа; *b* – памятник наскального искусства.

Рис. 2. Олений камень № 11 в долине р. Хойд-Тамир.

скрыта землей и камнями, когда стела находилась в конструкции погребения.

2. Стела № 24 в местности Цацын-эрэг, долина р. Хойд-Тамир, серый гранит, $253 \times 27 \times 80$ см. Ранее изучалась В.В. Волковым [Там же, с. 34, табл. 7, 1]. Вертикально установлена в 2008 г. Документирование проведено в 2013 г. (рис. 3). Лицевая грань стелы выше, чем

задняя. Изображения выполнены выбивкой с последующей шлифовкой. На правой стороне стелы внутри контура изображений оленей, ожерелья и пояса обнаружены следы красной краски, частично перекрытые кальцитовыми отложениями. Ожерелье и олени просто раскрашивались, а на поясе, видимо, были нарисованы наклонные линии, образующие крупные треугольники (рис. 3, 3).

Рис. 3. Олений камень № 24 в долине р. Хойд-Тамир и возможная реконструкция его первоначальной раскраски.

3. Стела № 68 в пади Шивэртийн-ам, долина р. Хойд-Тамир, светло-серый гранит, $340 \times 41,5 \times 92$ см. Была установлена в 10 м к востоку от большой плиточной мог. № 3, раскопанной в 1978 г. [Там же, с. 29, № 19]. Изучалась в 2012–2013 гг. (рис. 4). Изображения выполнены выбивкой с последующей шлифовкой. Выявлены факты дополнения и изменения композиции. Первоначально это был классический олений камень монголо-забайкальского типа с лицевой стороной на узкой грани (рис. 4, 2), высота которого предположительно могла достигать 4,5 м. Изображением ожерелья из бусин с подвеской из когтя или клыка выделена верхняя часть стелы, соотносимая с головой антропоморфного персонажа. По бокам этой «головы» выбиты парные большие и маленькие кольца, которые можно интерпретировать как серьги в ушах. В нижней части стелы изображен широкий пояс с подвешенным к нему оружием. На задней

грани («спине») воспроизведен пятиугольный щит со сложным декором и круглой накладкой в центре. Пространство между поясом и ожерельем заполнено изображениями оленей в монголо-забайкальском стиле. Здесь же, между фигурами животных, показано круглое зеркало. Из описанной композиции выбиваются два дополнительных кружка в верхней части правой широкой стороны стелы, свидетельствующие о неоднократном ее изменении. Спустя какое-то время нижняя часть стелы была отбита по линии пояса, изображения колец, ожерелья и рогов верхних оленей на одной из сторон сбиты, а вместо них изображено новое ожерелье, переданное дугообразной линией, с амулетом в виде когтя или клыка. В результате именно эта широкая сторона стала лицевой, что подчеркивают и серьги в виде колец с подвесками, выбитые симметрично на обеих узких гранях. Переоформленный олений камень был вкопан в землю почти

Рис. 4. Олений камень № 68 в долине р. Хойд-Тамир.

Рис. 5. Олений камень № 6 в долине р. Хунуй и реконструкция его первоначальной раскраски.

наполовину (сведения В.В. Волкова) и сильно наклонился. Следы красной краски обнаружены в нижней части лицевой стороны 2. Они заметны на выбитых изображениях некоторых оленей и зеркала, частично перекрытых кальцитовыми отложениями. Кроме того, узкие наклонные линии, выполненные красной краской, сохранились на поясе. Возможно, они образовывали косую сетку.

4. Стела № 6 в долине Хушуун-тал, левый берег р. Хунуй, светло-серый гранит, $270 \times 70 \times 36$ см. Впервые изучалась В.В. Волковым [Там же, с. 43, табл. 23, 1], затем неоднократно другими исследователями. Документирование проведено в 2013 г. (рис. 5). Лицевая грань стелы выше, чем задняя. Внутри выбитых и шлифованных контуров пояса, оружия и фигур оленей в средней части правой грани обнаружены следы красной краски, перекрытые кальцитовыми отложениями (рис. 5, 2). Очевидно, это была нижняя сторона упавшего камня, т.к. изображения левой грани, в отличие от правой, сильно пострадали от воздействия внешней среды. Последнее свидетельствует о том, что стела долгое время лежала горизонтально и лишь недавно установлена вертикально.

5. Стела № 1-9 в местности Жаргалант, верховья р. Хануй, светло-серый гранит, $253 \times 69 \times 33$ см. Ранее изучалась В.В. Волковым [Там же, с. 48, табл. 29, 2],

монгольскими и корейскими археологами [Цэвээн-дорж, Жан Сог Хо, Цэнгэл, 2009, т. 423; Төрбат и др., 2011, т. 76]. Вертикально установлена в 2009 г. Нами изучалась в 2011 г. (рис. 6). В верхней части лицевой стороны красной краской нарисована широкая наклонная линия. Следы красной краски обнаружены также внутри выбитых и шлифованных контуров верхних фигур оленей на той же грани.

6. Стела № 1 в местности Улан-Толгой к югу от оз. Хубсугул (Ховсгол). На протяжении последнего десятилетия этот памятник изучался монгольскими, корейскими, американскими археологами. Наиболее точная копия выполнена корейскими исследователями [Хын Сөн и др., 2008, т. 188, 189]. Нами в 2015 г. проведена фотофиксация. Внутри выбитых и шлифованных контуров изображений в средней части лицевой и правой граней стелы обнаружены следы краски оранжевого оттенка (рис. 7, 1). Очевидно, это была нижняя сторона упавшего камня, т.к. изображения верхней половины левой и задней граней сильно пострадали от воздействия внешней среды.

7. Стела с р. Онон вблизи с. Судунтуй в Забайкалье, светло-серый гранит. Находилась на могильнике культуры плиточных могил Ульба I на расстоянии ок. 10 м к востоку от одной из оград [Окладников, Запорожская, 1970, с. 61, табл. 85, 2]. Изучалась

Рис. 6. Олений камень № 1-9 в местности Жаргалант.

Рис. 7. Краска на оленных камнях № 1 из Улан-Толгоя (1) и № 1-10 из Жаргаланта (2).

Рис. 8. Стела с р. Онон, могильник Ульба I.

в 2014 г. (фотофиксация) в Историко-архитектурном музее под открытым небом ИАЭТ СО РАН (рис. 8). Верхний край лицевой стороны скруглен. Изображения нанесены только на этой стороне. Вдоль всего верхнего края стелы сохранилась широкая полоса красной краски. Аналогичной краской была нанесена наклонная линия в верхнем ярусе лицевой стороны (частично внутри выбитого и шлифованного желобка). Стела реставрирована из двух частей. Возможно, ранее, когда верхняя часть была отколота, она упала лицевой стороной вниз, что и позволило сохраниться краске.

В целом изучение перечисленных выше памятников свидетельствует о том, что сохранность краски определяется условиями, в которых находился олен-

ный камень. Во всех случаях ее следы обнаружены на упавших стелах (или их фрагментах), на тех гранях и тех их частях, которые оказались максимально защищены от неблагоприятных воздействий окружающей среды (вода, ветер). Иногда консервации краски дополнительно способствует корочка кальцитовых отложений, образующаяся в месте соприкосновения поверхности камня с землей. При этом сохранившаяся краска в большинстве случаев потеряла яркость. Чтобы распознать ее следы на поверхности камня в обычных условиях, требуется опыт. Возможно, именно по этой причине краску очень долго не замечали. Аналогичная ситуация складывалась с выявлением росписей на стелах эпохи ранней бронзы в Минусинской котловине [Есин и др., 2014, с. 79].

Оленных камней со следами краски выявлено немного: 5 % от общего числа обследованных нами в долине р. Хойд-Тамир и 20 % – на памятнике Жар-галант. Однако такая ситуация, видимо, лишь следствие сильной уязвимости росписей по отношению к различным внешним природным факторам, в отличие от выбитых изображений. Вероятно, в эпоху поздней бронзы и раннего железа краска могла наноситься на большинство оленных камней, но до нашего времени просто не сохранилась.

Классификация стел по композиции и их датировка

С точки зрения композиции рассмотренные выше стелы можно разделить на два типа.

1. Классические оленные камни монголо-забайкальского типа с лицевой стороной на узкой вертикальной грани и делением на ярусы при помощи изображений пояса и ожерелья (А) (см. рис. 3, 5, 6) либо без такового (Б) (см. рис. 2). Стелы типа 1А можно дополнительно подразделять по расположению оружия ниже пояса (а) либо выше него (б). На стелах типа 1Б

изображения оружия находятся среди фигур оленей на разной высоте.

2. Стелы с лицевой стороной на широкой грани, выделением верхнего яруса (соотнесился с головой человека), но без изображений оленей, пояса и оружия (см. рис. 8).

Палимпсест на стеле № 68 в пади Шивэртийн-ам (см. рис. 4) демонстрирует хронологическую последовательность типов композиции 1А и 2 на территории Центральной Монголии. Кроме того, они связаны с разным археологическим контекстом и могли иметь различную культурную принадлежность. Стелы с композициями 1А и 1Б первоначально были установлены на ритуальных площадках вблизи херексуров, а в конструкции плиточных могил использовались вторично как строительный материал. Радиоуглеродный анализ костей животных из жертвенников, связанных с оленными камнями типа 1, в местности Цацын-эрэг позволяет датировать эти сооружения и стелы 1210–760 гг. до н.э., причем жертвенники возле оленных камней типа 1А древнее, чем возле стел типа 1Б. Данный факт может свидетельствовать о трансформации композиции на оленных камнях монголо-забайкальского типа от более реалистичной с изображением пояса и оружия на нем к более условной и декоративной. Наступление нового этапа в культуре местного населения демонстрирует переиспользование разбитых стел типа 1Б в качестве строительного материала в конструкции плиточной мог. 92 [Хойд Тамирын..., 2011, т. 27]. По костям человека из этого погребения получена радиоуглеродная дата (2σ) 730–690 или 540–390 лет до н.э. (Beta-290942).

В отличие от оленных камней типа 1 обе рассмотренные стелы типа 2 связаны только с плиточными могилами и были установлены в 10 м к востоку от погребений. Близкие по композиции каменные монументы найдены в аналогичной ситуации возле плиточных могил в аймаке Дундговь (рис. 9, 2)

Рис. 9. Стелы, связанные с культурой плиточных могил.

1 – стела с р. Онон из коллекции Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН; 2 – стела из аймака Дундговь [Волков, 2002, табл. 125]; 3 – стела из Ямаалдай-уулын, аймак Увурхангай (по: [Энхбат, Даваацэрэн, Пүрэвлхам, 2011, т. 81, № 12], с коррективами).

[Волков, 2002, с. 102; Амартувшин, Жаргалан, 2010, 15-р зураг]]. В Забайкалье известна целая серия подобных стел. При этом ввиду отсутствия изображений оленей для них в российской литературе было принято использовать названия «сторожевые камни», «коноязы» (рис. 9, 1) [Окладников, Запорожская, 1970, с. 58, 61; Дашилхамаев, 2012, с. 66], тогда как на территории Монголии такие стелы рассматривались в совокупности с оленными камнями. Отметим также палимпсест на стеле из Ямаалдай-уулын в аймаке Увурхангай (рис. 9, 3), почти аналогичный таковому на оленном камне № 68, но с финальной композицией как на стеле с могильника Ульба I. Таким образом, композиция типа 2 одновременно плиточным могилам и наносилась на камни носителями этой культуры. Согласно датам, полученным по костям человека из плиточных могил 92 и 94 в местности Цацын-эрэг (2σ), конструктивно близких той, возле которой была установлена стела № 68, они относятся к периоду 760–390 лет до н.э.

Классификация росписей и их сравнительно-исторический анализ

К настоящему времени на оленных камнях зафиксирована краска только красного цвета с различными оттенками. Иногда разные оттенки представлены на одной стеле и, видимо, зависят просто от количества пигмента, сохранившегося на поверхности камня (см. рис. 7, 2). Состав краски не изучался. Это отдельный вопрос, сопряженный с проблемой получения образцов для лабораторного анализа, т.к. краска интегрирована с поверхностью камня, обычно представляющего собой твердый гранит. Пока, опираясь на опыт изучения наскальных росписей в культуре скотоводов восточной части Евразийского степного пояса более раннего времени [Essin et al., 2014], можно предполагать использование гематита или охры. Здесь же отметим, что на расстоянии ок. 1,5 км от оленных камней № 11 и 24 в долине р. Хойд-Тамир имеется значительный выход гематита, осмотренный нами летом 2015 г. Возможно, он был источником сырья для приготовления краски.

Для классификации рассмотренных росписей на оленных камнях важно учитывать их взаимосвязь с другими приемами оформления стел – нанесением рельефных изображений, выравниванием и шлифовкой определенных участков. В рамках такого подхода ключевым критерием классификации представляется самостоятельная или несамостоятельная роль росписи в создании визуального образа. С этой точки зрения по известным нам материалам можно выделить два основных варианта.

1. Краска наносилась поверх предварительно выбитого и шлифованного изображения. Поэтому

с технологической точки зрения она играет роль дополнительного средства усиления выразительности уже созданного рисунка. На изученных нами оленных камнях этот вариант наиболее распространен. К нему же относятся росписи, обнаруженные недавно на стелах монголо-зabayкальского и евразийского типов в Западной Монголии. В частности, красная краска замечена внутри выбитых наклонных линий в верхнем ярусе стелы, внутри контура кинжала и на фигурах животных на оленных камнях из археологических комплексов Баян-Зурх, Баян-Булаг I (керексур № 3, оленные камни № 1 и 2) и из урочища Элсэн-Толгой близ г. Ховд [Тишкин, 2013а, с. 81, 88, рис. 8, 9; 2013б, с. 226]. Хорошо сохранилась красная краска внутри выбитых изображений (три наклонные линии на месте лица и ожерелье) на лицевой стороне стелы евразийского типа с устья р. Элегест в Туве (переиспользована в конструкции кург. 4 саглынской культуры могильника Красная Горка-3), осмотренной нами в августе 2015 г.* Этот же вариант росписей можно идентифицировать на двух образцах из числа наиболее западных в ареале стел общевразийского типа: у стелы из насыпи кургана в окрестностях с. Новоалександровка (Ростовская обл.) были окрашены изображения серьги на одной грани, диадемы и пояса, у ольвийско-херсонесской – серег [Ольховский, 2005, с. 44, 53]. В настоящее время краска сохранилась лишь на отдельных участках, но первоначально, видимо, были раскрашены все рельефные изображения (см. рис. 5, 3). Близкие аналоги такой прием оформления каменных монументов находит на стелах окуневской культуры эпохи ранней бронзы в Минусинской котловине, где он тоже был распространен очень широко [Есин и др., 2014, с. 81; Essin et al., 2014].

2. Краска наносилась на подготовленную (выровненную, подшлифованную) поверхность камня, но, в отличие от предыдущего варианта, играла самостоятельную роль в создании отдельных элементов композиции. В частности, дважды зафиксировано нанесение красной краской наклонной линии на месте лица (см. рис. 6, 2; 8). Еще на двух стелах краской, видимо, был нарисован декор на шлифованном изображении широкого пояса. Во всех известных сегодня случаях использование приема самостоятельной росписи комбинируется с раскрашиванием других элементов, выполненных в технике выбивки и шлифовки. Дополнительно можно отметить, что, когда геометрический орнамент наносился на шлифованное изображение пояса, на нем оставались незакрашенные участки, которые были светлее, чем необработанная поверхность каменной плиты (см. рис. 3, 3).

*Благодарим М.Е. Килуновскую за возможность ознакомиться с материалами раскопок Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН.

Рис. 10. Роспись краской в верхней части вертикального каменного блока на памятнике Нистафоровка.

Фактически это давало еще один цвет, полученный без использования краски. В более раннее время такой прием играл важную роль при создании полихромных изображений каракольской культуры Российского Алтая [Essin et al., 2014, fig. 6b].

Факты самостоятельного использования краски для создания отдельных элементов композиции стел свидетельствуют о том, что роспись по значению не уступала выбивке и ее нельзя считать лишь второстепенным приемом оформления каменных монументов. Стелы предназначались для размещения под открытым небом в суровых природных условиях, поэтому нанесение краски поверх выбивки позволяло добиться большей долговечности росписи и максимальной выразительности композиции. Кроме того, оценивая роль краски в оформлении стел, следует учитывать, что она могла иметь самостоятельное ритуальное и магическое значение. О ритуальной функции красной краски свидетельствуют, например, факты ее обнаружения в погребениях эпохи поздней бронзы (кург. 126, 1500–1480 / 1460–1400 лет до н.э. (2σ), раскопки 2011 г.) и в плиточных могилах (кург. А94, 760–480 / 460–420 лет до н.э. (2σ), раскопки 2011 г.) Цацын-эрэга.

Изображения, типичные для оленных камней, могли наноситься краской и на скалы. В частности, пред-

ставляет интерес памятник наскального искусства Нистафоровка на правом берегу р. Ус в Ермаковском р-не Красноярского края, где зафиксированы нарисованные красной краской тройные наклонные линии (рис. 10), характерные для верхней части стел Саяно-Алтая.

Еще один вопрос, который требует внимания, связан со случаями вторичного использования стел. В частности, композиция оленного камня № 68 в пади Шивэртийн-ам на протяжении эпохи поздней бронзы – раннего железа изменялась несколько раз. Возможно, это обусловлено большим размером и хорошим качеством камня среди всех других стел того же памятника. Примеры подобной практики можно найти по всему ареалу оленных камней [Членова, 1984, рис. 1–4; Волков, 2002, табл. 113, 3]. В более раннее время переиспользование стел было типично для каракольской, окуневской и чемурчекской культур Саяно-Алтая [Есин, 2010, с. 141]. Видимо, существовала тесная связь между проведением обряда и созданием изображения. Оно не просто должно было соответствовать принятой иконографии, но еще и ассоциироваться с конкретным обрядом. Возможно, среди прочего это обеспечивало персонификацию условного образа внеизобразительными средствами и успешное осуществление с ним акта коммуникации. Поэтому нельзя было повторно использовать стелу – требовалось либо создать новую, либо переделать старую, дополнить рисунками, чтобы включить в новый обрядовый контекст. Следовательно, факты дополнения (появления «лишних» изображений оружия, ожерелий, серег) или изменения композиции оленных камней можно рассматривать как отражение совершаемых возле стелы обрядов. Такие манипуляции могли сопровождаться дополнением и подновлением росписей. Поэтому росписи на стелах с признаками вторичного использования требуют более внимательного изучения для их датировки. В ситуации с оленным камнем № 68 можно считать, что обнаруженная роспись была создана до того, как камень был обломан и вкопан возле плиточной могилы. Об этом свидетельствуют выполненные краской линии на выбитом изображении пояса, которые могли быть нанесены, лишь пока стела была целой. Теоретически, правда, нельзя исключать подновление каких-то росписей верхней части стелы и на самом последнем этапе ее использования. Роспись красной краской типична для многих памятников наскального искусства Забайкалья и Северо-Восточной Монголии, связанных с культурой плиточных могил, а также выявлена на стеле с могильника этой культуры Ульба I.

Заключение

В целом проведенное исследование существенно расширяет имевшиеся знания об использовании краски

в искусстве скотоводов эпохи поздней бронзы и раннего железа восточной части Евразийского степного пояса. Впервые реконструирован первоначальный облик стел того времени. Предложена классификация самих росписей, основанная на учете технологической роли (самостоятельная или вспомогательная) краски в создании композиции.

Имеющиеся факты использования краски на стенах ранних кочевников евразийских степей с учетом иконографических и стилистических особенностей, археологического и географического контекста свидетельствуют о том, что эта традиция представлена в различных территориальных и хронологических группах изученного материала; росписи присутствуют среди изображений, связанных с разными иконографическими типами оленных камней; и фигурируют на стенах, использовавшихся в различных контекстах (особые ритуальные площадки с жертвенниками возле херексурсов в Центральной Монголии, каменные конструкции самого херексура в Западной, насыпи курганов иной конструкции в Восточной Европе, обрядовые места возле плиточных могил в Центральной Монголии и Забайкалье). Таким образом, можно сделать вывод, что использование красной краски является одним из аспектов феномена оленных камней в целом. А учитывая приводившиеся параллели в материалах окуневского искусства, к этому можно добавить, что выявленная традиция имеет предысторию в культуре скотоводов азиатских степей эпохи ранней бронзы.

Раскраска стел эпохи поздней бронзы – раннего железа, и в частности состав пигмента, несомненно, требует дальнейшего изучения. Вместе с тем определенной угрозой сохранности краски в перспективе является широко распространившаяся в последнее время в Монголии традиция вновь устанавливать вертикально в степи стелы, долгое время лежавшие в земле. Это может привести к постепенному уничтожению сохранявшихся под землей следов краски в результате возобновления воздействия внешних факторов. Данный аспект должен учитываться специалистами при принятии такого рода решений.

Список литературы

Амартувшин Ч., Жаргалан Б. Хурэл зэвсгийн усийн булшны судалгаа // Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа. – Улаанбаатар: БЭМБИ САН, 2010. – Т. 152–201.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Науч. мир, 2002. – 248 с.

Гантулга Ж., Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Магай Ж., Есин Ю. Хойд Тамирын хөндий дэх буган чулуун хөшөөний судалгаа-ны зарим үр дүн // Studia Archaeologica Instituti Archaeologici

Academiae Scientiarum Mongolicae (Археологийн судлал). – 2013. – Т. XXXIII, fasc. 1 (25). – Т. 95–119.

Грязнов М.П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1984. – Вып. 25: Материалы и исследования по археологии СССР: Контакты и взаимодействие культур Евразии. – С. 76–82.

Дашилхамаев Д.М. Оленные и сторожевые камни Забайкалья // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 2 (30). – С. 60–68.

Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2010. – 184 с.

Есин Ю.Н., Магай Ж., Руссельер Э., Вальтер Ф. Краска в наскальном искусстве окуневской культуры Минусинской котловины // РА. – 2014. – № 3. – С. 79–88.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 2. – 264 с.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука, 2005. – 299 с.

Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – 2013а. – № 1 (7). – С. 73–90.

Тишкин А.А. Оленные камни Центральной Азии и изображения на них: обзор существующих интерпретаций и новые открытия // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. – Омск: Наука, 2013б. – С. 222–228.

Төрбат Ц., Баярсайхан Ж., Батсүх Д., Баярхүү Н. Жаргалантын амны буган хөшөөд. – Улаанбаатар: NOMKHUR, 2011. – 192 т.

Хойд Тамирын голын сав нутаг дахь буган хөшөө (Les pierres à cerfs de la vallée du Haut Tamir). – Улаанбаатар: ADMON, 2011. – 98 т.

Хын Сөнх, Мог Сүхийнх, Хань Сынчань, И Хыйжунь, Чон Миньхо, Чон Жэхунь, Цэвээндорж Д., Батболд Н., Цэнгэл М. Чулуунд сийлсэн эртний нүүдэлчдийн амьдрал болон оюуны соёлын сэтгэлгээ: Монголын хадны зураг, буган хөшөө, гэрэлт хөшөөний хуулга. – Сөүл: [б. и], 2008. – 352 т.

Цэвээндорж Д., Жан Сог Хо, Цэнгэл М. Монголын баруун хойд аймгийн хадны зураг. – Сөүл: Northeast Asian history foundation, 2009. – 445 т.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). – Новосибирск: Наука, 1984. – 99 с.

Энхбат Г., Даваацэрэн Б., Пүрэвхам Л. Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал: Ү дэвтэр Өвөрхангай аймаг. – Улаанбаатар: Улаанбаатар принт, 2011. – 128 т.

Essin Yu.N., Magail J., Rousseliere H., Walter Ph. Les peintures dans l'art pariétal de la culture Okuniev // Bull. du Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco. – 2014. – N 54. – P. 163–183.

Fitzhugh W. Introduction and Overview // Mongolia Deer Stone Project: Field Report 2008. – Wash.: The Arctic Studies Center; Nat. Museum of Mongolia, 2009. – 195 p.

*Материал поступил в редколлегию 06.10.15 г.,
в окончательном варианте – 05.07.16 г.*